

*Посвящается
Слоан и Делейни*

ΧΡΑΝΙΠΕΛΥ

Мишель листала на портскрине альбом фотографий, которые внучка прислала утром. Люк отправился посмотреть на руины Лувра, взял Скарлет с собой, и она нащелкала десятки фотографий крошащихся статуй и обломков. Там было даже их общее фото — Люк и Скарлет стоят на фоне безрукой статуи, закутавшись в одно огромное шерстяное пальто.

Мишель все время возвращалась к этой фотографии — единственной в альбоме, где Люк и Скарлет были вместе. Люк, как всегда элегантный, выглядел так, будто витает мыслями где-то далеко, а Скарлет улыбалась. Ее глаза сверкали, одного зуба впереди не хватало, выющиеся рыжие волосы выбились из-под воротника куртки. Она выглядела счастливой.

На этот раз Люк *старался*, и это согревало душу Мишель. Так же как и долгожданные пере-

мены в письмах от внучки. Жизнь Скарлет стала непростой с тех пор, как уехала ее мать... Нет, Мишель знала, что жизнь ее внучки стала непростой гораздо раньше. С самого начала она знала, что ее сын не очень-то годится на роль отца. Он слишком самодоволен и эгоистичен, и его молодая жена ничуть не лучше. Их отношения были страстными, драматичными. И с самого начала обреченными на провал.

Они ссорились едва ли не с первого дня, когда начали встречаться — ругались, кричали и били посуду, а соседи то и дело вызывали полицию. Когда стало известно о том, что у них будет ребенок, Мишель притворилась, что рада за них. Катастрофический финал их брака был неизбежен, и она знала, что бедный ребенок станет его жертвой.

Она узнавала новости, читая в письмах Скарлет между строк, ведь Люк никогда и ничего ей не рассказывал. «Скучно. Жду, когда папа вернется домой» означало, что Люк опять зависает в барах, а его шестилетняя дочь сидит дома одна. Или «Спасибо за подарок на день рождения. Папа обещал, что, когда погода наладится, мы отпразднуем его в парке развлечений» означало, что Люк снова забыл о дне рождения дочери и надеется, что до конца весны она забудет о его обещании. Или «Соседка снова принесла на ужин рататуй — третий раз за неделю. В нем опять слишком много баклажанов, а я НЕНАВИ-

ХРАУЖИЖЕЛЬ

ЖУ баклажаны, но папа сказал, что я вела себя плохо, и велел сидеть в своей комнате» следовало читать как «Люк проигрался, и на этой неделе денег на еду нет, но, слава богу, соседке не все равно. Во всяком случае, пока она очарована улыбкой Люка и еще не сообразила, что он — бесхребетный мошенник».

Мишель вздохнула. Она любила сына, но давно потеряла к нему уважение. А еще она знала, что и сама тоже виновата. Ведь это она его воспитала. Может быть, она слишком его баловала, а может быть, наоборот, недостаточно. Может быть, ему нужен был отец, чтобы наставлять его. Может быть...

Стук напугал ее. Она подняла взгляд от портскрина, на котором разглядывала лицо сына, с которым в этом году не перебросилась и дюжиной фраз. Наверное, это кто-то из соседских детей собирает деньги на благотворительность или кто-нибудь из города решил купить у нее яиц.

Положив портскрин на стол рядом со своим любимым креслом для чтения, она встала, вышла из спальни и спустилась вниз по узкой скрипучей лестнице в маленькую прихожую фермерского дома. Она не посмотрела в глазок и сразу открыла дверь.

Ее сердце замерло. Кажется, весь мир замер. Мишель отступила назад, оперлась о дверь.

— Логан...

Ей показалось, что в нее врезался астероид, выбив воздух из легких.

Логан смотрел на нее. Логан. Ее Логан. Он смотрел на нее, и его взгляд был таким же глубоким, бездонным, как она помнила. Хотя вокруг его глаз теперь появились морщины, которых раньше не было.

Больше тридцати лет прошло.

— Привет, Мишель. — Его голос звучал устало, но это был тот самый голос, которым она так восхищалась тогда. — Ужасно неловко, что я врываюсь к тебе вот так, — сказал он, — но мне отчаянно нужна твоя помощь.

Когда Мишель пригласили сопровождать земных дипломатов во время первого за много поколений визита на Луну, она была горда и немного напугана. Она была одним из четырех пилотов, лет на десять моложе остальных. Ей была оказана честь, хотя большинство из тех, кому она рассказывала о командировке, смотрели на нее как на сумасшедшую только потому, что она не отказалась сразу от этого предложения.

— Луна? — недоверчиво спрашивали ее. — Ты собираешься на Луну? Добровольно? Но... они же убьют тебя. Промоют мозги и превратят в раба. Ты никогда не вернешься домой!

Она смеялась и не обращала внимания на их слова, уверенная, что ужасные истории о жите-

ХРАЖИЖЕЛЬ

лях Луны основаны на глупых суевериях, а не на фактах. Она верила, что есть хорошие и плохие лунатики, точно так же, как есть хорошие и плохие земляне. Конечно же, они не могут все быть монстрами. И потом, она всего лишь пилот. Она не будет участвовать ни в каких политических дискуссиях или важных совещаниях. Мишель даже не знала, с какой миссией летят на Луну дипломаты. Целый месяц она проведет, наслаждаясь знаменитой роскошью Артемизии, и вернется домой с кучей историй. Она не позволит нелепым городским легендам удержать ее в стороне от такого исторического события.

Ей дали увольнительную почти сразу после того, как они добрались до Артемизии, и вскоре она обнаружила, что в белом городе есть все, чего она ожидала, и даже больше. Пышные сады и дворы заполняли пространство между домами из белого камня. Деревья возвышались над раскинувшимися особняками, некоторые почти достигали кронами купола, укрывавшего город. Из каждого переулка лилась музыка, а в каждый бокал — вино, и все, кого она встречала, были беззаботны и веселы. Они каким-то образом узнавали в ней жительницу Земли, даже если она ничего не говорила, и казалось, что каждый состоятельный торговец и аристократ в городе считал своим долгом обеспечить ей лучший досуг, какой только можно представить.

На четвертый день после прибытия она танцевала на центральной площади на солнечных часах с поразительно красивым мужчиной. Но, оказавшись слишком близко к краю, она упала и подвернула лодыжку. Она вскрикнула от боли. Ее партнер по танцу раздобыл штукосвину, парящую на магнитной подушке и похожую на каталку, и отвез ее в ближайшую клинику.

Там она и познакомилась с Логаном.

Он был врачом, старше нее на несколько лет, и Мишель сразу поняла, что он отличается от тех лунатиков, которых она видела. Он был более серьезен. В его глазах было больше мысли. А еще его внешность была... несовершенной. Он осматривал ее лодыжку, а она разглядывала его самого. Сложение среднее. Светло-каштановые растрепанные волосы. На щеке родинка, а рот кривится на одну сторону, даже когда он улыбается. По земным стандартам, он был привлекательным, но на Луне...

И только тут до нее дошло, что он не использует чары, а все остальные, кого она здесь видела, использовали!

Логан предложил ей отдохнуть в восстановительной камере, но она покачала головой.

— Так вы скорее поправитесь, — сказал он, удивленный ее отказом.

— Не люблю замкнутых пространств, — ответила она.

ХРАЖИЖЕЛЬ

— Тогда здесь, под биокуполом, вы должны чувствовать себя в ловушке.

Он осторожно бинтовал ей лодыжку. Все последующие годы, когда она думала о Логане, то вспоминала его нежные и ловкие руки.

— Тут так красиво, — сказала она, — я совсем не чувствую себя в ловушке.

— О, да. Мы построили очень симпатичную тюрьму.

Это был первый неприятный комментарий о Луне, которой она слышала от лунатика.

— Вы считаете ваш дом тюрьмой?

Его глаза сверкнули, когда он встретился с ней взглядом. Потом он долго молчал. И наконец, вместо того чтобы ответить на ее вопрос, спросил приглушенным шепотом:

— Это правда, что небо на Земле голубое, как крылья сойки?

С этого дня Мишель уже не смотрела на аристократов в ярких одеждах (особенно когда Логан сказал, что человек, с которым она танцевала на солнечных часах, годится ей в прадеды). Они проводили вместе каждую свободную минуту, но оба знали, что это ненадолго. Часы отсчитывали время до ее возвращения на Землю, но она не тешила себя надеждой, что Логан улетит вместе с ней. Правила эмиграции с Луны были строгими. Лунная держава неохотно отпускала своих граждан, а на Земле их не очень-то ждали.